

Надежда Александровна Князева - поэт из города Арзамас Нижегородской области. Родилась в 1986 году. Работает учителем английского языка в сельской школе. Автор двух книг стихов. Член Союза писателей России с 2009 года. Финалист "Филатов Феста" - 2016. Финалист "Русских Рифм" - 2016. Участница писательской смены молодежного форума "Таврида" в 2016 году. Сотрудничает с рок-группами в качестве автора текстов песен.

Чавканье капель. Время, на старт! Душный, сырой, беспокойный март. Сбита поспешно февральская спесь, в воздухе бесится мутная взвесь брани, бестактности, сквозняков, вибросигналов мобильных звонков, что провоцируют на лету эту проклятую суету...

Банки из жести по серости луж возят десятки истерзанных душ, сотни и тысячи - день ото дня - здесь уже не отличить меня от работы в грязных очках, девочки-эмо с сумкой в значках, тётки с авоськой, дядьки с хурмой, так равнодушно спешащих домой... Все мы повязаны жизнью слепой, чтобы нас позже назвали толпой...

Лет через пять (может, раньше - не факт) мы не припомним ни этот март, ни своих мыслей, ни слов, ни фраз... Лет через сто не припомнят нас. Времени, знаете, всё равно, с кем мы тогда не сходили в кино, что не осмелились проговорить, что не успели в жизнь претворить... Мелкой частицей толпы на века каждый останется наверняка.

Впрочем, возможен такой пустячок. Девочка с сумки уронит значок, и, по прошествии времени, он будет на свет из земли извлечён. И археологи, обмерев, скажут, мол, это такой оберег... или посланье из древности к нам - так станет частью истории хлам... Скажут потомки, глаза закатив: "Боже, какой примитив!.."

Мы сидим на кухне, ночник истекает светом,
Где-то капает кран, секунды дробя при этом,
И нет счета выкуренным сигаретам.
Маша кутается в сизый прогорклый дым.
- Я люблю? А кого и за что, послушай?
Если рядом с кем-то вдруг становится лучше,
Привыкать не стоит, навесит лапши на уши —
И тотчас же пойдет целовать у других следы.

У друзей все свои дела, лезут вон из кожи,
Чтоб удачу к себе повернуть не кормой, а рожей.
На меня тут не хватит усилий - что же,
У них дома творится собственный тарарам.
А в моей голове царя оглушили прикладом,
А в моей голове теракты и канонады...
А я даже толком не знаю, чего мне надо,
Да еще предательски стало тошнить по утрам.
Маша смотрит в стену, улыбку кривя через силу:
- Даже мама уже давно на меня забила,
Говорит все время - сведешь, мол, меня в могилу,
На свою беду, мол, вырастили алкаша,

Все кричит, мол, мало меня пороли...
А я пью и пью - помогает забыться, что ли.
У меня, понимаешь, фантомные боли
На том месте, где, по сути, должна быть душа...

Мы молчим, сквозь проводку слышно течение тока.
За обоями и кирпичами - соседская склока.
Если б не было до противного одиноко,
Может, кто бы и попытался ее спасти.
А я видела паспорт - ее ведь зовут не Маша,
Это имя ей дали здесь, для своих да наших,
А на самом деле - Рая, нет, точно - Russia.

И ни с кем ей, почему-то не по пути...

И твой друг уедет
Встревоженный ветер вытер
Улыбку с лица. Прости, -
И твой друг уедет в Питер,
Ослепнув от перспектив.
Там сумрак огни колеблет,
Лежащие на мели,
Там самый простой поребрик —
Весь в платиновой пыли.
Есть риск, в города играя,
Рассыпаться, как драже:
И твой друг решит в Израиль
Уехать на ПМЖ.
Там Хайфа уймёт тревогу,
Власами утрёт стопы.
Должно быть, там ближе к Богу,
И братство - взамен толпы.
Не каждому власьть жить сидя
И будней кроить сукно:
И твой друг беспечно выйдет
В распахнутое окно...
Молчать. Сжать тоску в пружину.
Светить маяком в пути
Вослед уходящим спицам,
Зияя дырой в груди.

ПОЛУСОН

Синий январь пьёт тепло из твоих окон.
Вот бы свернуться в уютный тугой кокон,
чтобы не чувствовать ни сквозняков скрежет,
ни как рассветная синь по глазам режет.

Сон ненамного ослабит свои оковы.
Как эмбрион, ты рождаешься в день новый:
голый, несчастный, что вырвали из дремоты,
толком еще не поймешь, для чего и кто ты —
только что был осьминогом, дружил с крабом,
в пятницу плавали с ним по морским пабам,
сотни красавиц сулили свои объятья
в каменных гротах... да где же носки, проклятье...

Надо побриться, а то зеркала суровы.
Кофе глотнешь - вроде, и человек снова.
Только всё шепчут в ушах голоса прибоя —
где-то так близко, что тайну вот-вот откроешь...

Куртка, ботинки - и замер столбом в коридоре.
Синий огромный январь для тебя - как море.
Просто сойти со ступенек перед подъездом,
просто, расправив щупальца, плыть над бездной,
каплей цветной в отражениях глаз растечься...
Кстати, а с Раковым взять бы да пересечься.

ГОРОД М.

Твоё молчанье - шарканье подошв,
поспешный шепот лопавшихся почек,
потешный переклик радиоточек,
речной воды мурашечная дрожь.

Твоих имён блаженное моё
незнание, кровосмешенье стилей,
смешная строгость золочёных шпилей,
где облаков развешано бельё.

Высоток вознесённость - и в контраст —
подземных поездов тугая тяга.
Твоих глубин обычная бумага,
пригодная для карт, не передаст.

И, мартовской пропитана тоской,
гляжу в тебя рассеянно-влюблённо —
под чешуёй стеклянного дракона,
над бережно подставленной рекой.

МЫЛО С ЗАПАХОМ МОРЯ

Офис. Кубики будней.
Камеры кабинетов.
Из развлечений скудных —
Выйти до туалета.

Ржавое горло крана
Булькает в коридоре.
Входишь, а там нежданно —
Мыло с запахом моря!

Сразу видно участие!
Чтоб не так тяжело было,
Щедро кладет начальство
В мыльницу это мыло!

Тут же повеет бризом
Из-за дверей сортира,
В неба квадратик сизый
Втиснется пляж в полмира!

Под небеса тугие
Облаком белокрылым
Выплывешь с ностальгией:
Море-то пахнет... мылом!

Господи, дай нам силы,
Четкости траекторий,
Чтобы все правдой было:
Мыло пусть пахнет мылом.
Море пусть пахнет морем.

